

Содержание

- Однажды... . . . 9
1. Сочинительница . . . 19
 2. Сорочье гнездо . . . 31
 3. Черная кошка . . . 44
 4. Музей неоконченных историй . . . 59
 5. Другая Элис . . . 75
 6. Подобия . . . 88
 7. Третья глава . . . 112
 8. Мелодия . . . 132
 9. Флейтист . . . 138
 10. Ошибка . . . 153
 11. Элис в Зазеркалье . . . 167
 12. Творческий тупик . . . 186
 13. Пряничные домики . . . 201
 14. «Вдалеке» . . . 215
 15. По следу из хлебных крошек . . . 224
 16. Бумажные люди . . . 237
 17. Немая и Подкидыш . . . 252

- 18. Знак на удачу . . . 274
- 19. Рожденные историей . . . 294
 - 20. Домушники . . . 316
 - 21. Девять жизней . . . 336
 - 22. Перебежчица . . . 357
 - 23. Хозяин кошки . . . 369
- Долго и счастливо... . . . 392

*Джулии, которая любит истории, и всем,
кому когда-нибудь хотелось, чтобы герои
книг стали реальными*

Однажды...

Элис Сильвер никогда раньше не встречала убийц, но в тот день это случилось.

Дороти Граймс прошла мимо окон любимой кофейни Элис.

Элис сидела за самым маленьким столиком, нервно проглядывая открытую тетрадь, лежащую на столе рядом с чашкой. Кофе остыл, потому что Элис забыла его выпить.

Она переворачивала страницы. Слова плыли перед глазами, слова, написанные ею недели, месяцы назад и тысячу раз перечитанные. Элис уже не понимала, есть ли в них теперь смысл.

Она устала. У нее болела голова, болела шея, даже глаза болели. Раздраженная, она вернулась к началу тетради. Текста здесь было не так много: в основном таблицы и схемы, и еще вырезки из журналов и газет — фото-

графии, заметки. Одна статья, какое-то время назад отклеившаяся, выскользнула на стол. Элис взяла ее и бегло взглянула на заголовок, который знала наизусть:

«МОЛОДОЙ УБИЙЦА ПРИГОВОРЕН
К ПОЖИЗНЕННОМУ ЗАКЛЮЧЕНИЮ»

Статье было больше двух лет, но Элис помнила все подробности. Они глубоко потрясли ее, как и каждого в стране. Нелегко забыть о том, что кто-то ее возраста — всего-навсего шестнадцатилетний — мог убить пятерых такими ужасными способами. К тому же характер преступлений запутывал расследование. Большинство убийц каждый раз действуют по схожему сценарию. Здесь все было иначе. Одна жертва задушена, другая забита до смерти дубинкой, третья зарезана, четвертая утоплена, пятая погибла в пожаре — в подожженном доме.

На обороте газетной вырезки сохранилась часть заметки о девочке-подростке, награжденной в конкурсе за свой дневник, который она вела в течение года. Элис вспомнила, как держала вырезку на свету, позволяя тексту на другой стороне тонкой бумаги просвечивать. Как слова из двух разных статей слились в «дневник убийств».

Дневник убийств.

Так ей и пришлось в голову соединить обе статьи и ввести в историю, над которой она рабо-

тала, шокирующего персонажа: девушку-убийцу, описывающую как вымысел свои преступления на бумаге.

Элис поежилась. Иногда удачные идеи возникали случайно — как эта. Кое-что поменять тут и там, новое имя, немного отличающиеся способы убийства. Придумать все это было удивительно легко. Элис не в первый раз спросила себя: нет ли в ней самой затаенного зла, ведь получается придумывать такие ужасные вещи; но все же пришла к выводу, что книжные злодеи всегда плод чьего-то воображения. И, в сущности, какой толк от злодеев, если они не страшные?

Элис отложила вырезку, закрыла глаза и потерла виски. Слова проплывали в темноте под ее веками. Даже так от них было не избавиться. Они окружили ее, заточили в свою тюрьму, откуда освободить могли только другие слова, еще больше слов. *Правильных*. Проблема была в том, что она их не находила. Она зашла в тупик и понятия не имела, как закончить историю. И теперь ее тревожило, что произойдет, если этого не сделать. Не только из-за того, что пропадет впустую ее труд, но из-за того, что может случиться с ней самой.

Уже несколько месяцев Элис уговаривала себя, что происходившее в прошлый раз не было реальным. Ей все померещилось, виной тому недосыпание, стресс. Но, что бы там ни было, в последние дни все началось снова. Чьи-то

тени, какое-то движение, едва уловимое краем глаза. Шаги за ее спиной на пустой улице. Шепот.

Она боялась.

Медленно выдохнув, она открыла глаза. Кофейня находилась в книжном магазине, на втором этаже. Чаще всего Элис писала дома, но сегодня подумала, что смена обстановки даст словам возможность потечь свободно. Не вышло. Скорее наоборот, ее окружало столько чужих историй – и все завершённые, что это походило на пытку. Книги вокруг не вдохновляли, напротив, чудилось, что они смеются над ней. Элис повернулась к окну и придвинулась к нему еще ближе. Она смотрела на людей, идущих внизу по улице и не подозревающих, что за ними наблюдают. Острый зимний холодок проникал сквозь стекло и пощипывал ей лицо.

А потом Элис охватил озноб: она заметила художавую фигуру, остановившуюся у витрины магазина через дорогу.

Этого не может быть, этого не может быть, этого не может быть...

Слова бились в голове Элис под тошнотворные удары отчаянно прыгающего сердца. Она вскочила, даже не осознавая, что делает, и нечаянно толкнула стол. Нетронутый кофе выплеснулся из чашки, забрызгав тетрадь и газетную вырезку. Она прижала ладони к стеклу, не замечая, как кофе стекает со стола, капает на пол и на ее ботинки.

Элис схватила тетрадь и отшатнулась от окна. Газетная вырезка упала на пол, но она не обратила внимания ни на нее, ни на удивленные взгляды других посетителей.

– Только не это, – прошептала она, слова застревали в горле, – пожалуйста, только не это!

Но все равно нужно было убедиться. Спотыкаясь, Элис выбралась из кофейни и кинулась к лестнице. Несколько мгновений, и она уже выбежала из книжного магазина. Ее прерывистое дыхание облачками пара растворялось в морозном воздухе.

Девушка исчезла. Элис оглядывалась по сторонам. Неужели привиделось? Может быть, она задремала? Ведь она уже так давно не спала нормально...

Вот же. Вот мелькнула спина, скрываясь за углом. Элис устремилась вслед. Ее колотило от холодного ветра так, что зубы стучали. Только сейчас она спохватилась, что оставила пальто в кофейне, но вернуться за ним – значит упустить ту, кого ищет. Элис догнала девушку и, поравнявшись с ней, взглянула в лицо.

Ветер унес тихий вскрик, который сорвался с губ Элис.

Это была *она*.

Она изменила внешность после того, как покинула больницу. Тусклых каштановых волос, висевших дряблыми крысиными хвостиками, больше не было, как не было и неказистого больничного халатика, в котором она выглядела

юной и беспомощной. Для всех она стала почти неузнаваема... только не для Элис.

Элис оступилась, столкнувшись с каким-то прохожим, но, потрясенная и охваченная ужасом, совсем не отреагировала на брошенную в ее сторону резкость. Она не раз читала в книгах, как у человека стынет кровь в жилах, но сейчас ощутила это на себе: тепло ушло из коченеющих ног и ледяной холод прокатился волной по телу.

«Что она делает здесь? – подумала Элис. – Она знает? Она уже ищет меня?»

И, будто бы Элис притягивала ее, как магнит, девушка повернулась и пристально посмотрела на нее. На ее лице отразилось любопытство, но никакого намека на то, что она знает, какая между ними связь. Хотя, когда Элис застыла на месте, что-то блеснуло в глазах девушки.

Что-то недоброе. И настороженность.

«Она видит, что я боюсь ее, – подумала Элис. – И ей это нравится.»

Дороти Граймс медленно двинулась к ней. Губы ее изогнулись в легкой улыбке. Улыбка стала шире, когда Элис, сама того не заметив, попятилась – и наконец уперлась в стену.

Дороти остановилась – слишком близко. Так близко, что Элис ощущала ее дыхание. От этого ее замутило.

– Мы встречались? – спросила Дороти. Ее голос звучал мягко, но ничего доброго в нем не было. Такой мягкой может быть подушка, которая душит тебя.

– Н-нет... не лично... – едва слышно ответила Элис.

– Но ты знаешь, кто я, не так ли?

– Да, – прошептала Элис. – Я знаю, кто ты.

– И тебе известно, что я сделала.

От нахлынувшей дурноты Элис пошатнулась и с трудом удержалась на ногах, пытаясь прогнать пронсящие в голове жуткие видения. Дороти, чиркающая спичкой, сжимающая чье-то горло, соскребающая со щек чужую запекшуюся кровь. Да, Элис точно знала, на что она способна.

– Ты читала обо мне в новостях? – Дороти понизила голос. – Обо всех нехороших вещах, которые я совершала?

Элис слабо покачала головой:

– Не совсем так.

– Тогда откуда ты меня знаешь?

– Я знаю... я знаю о тебе все, – прошептала Элис.

Дороти закатила глаза:

– О нет, и ты туда же. Скольких докторов, несущих этот вздор, мне приходилось слушать! «Мы знаем все о тебе, Дороти, – передразнила она. – Ты, должно быть, пережила какую-то травму, Дороти. Мы хотим, чтобы ты вела дневник снов, Дороти, Дороти, *Дороти*». – Она явно заводилась, ее глаза стекленели. – Повторяют мое имя снова и снова, чтобы заставить меня думать, что они мне друзья.

– Я знаю, – сказала Элис.

— О, *знаешь*, правда? — Глаза Дороти блеснули.

— Я же сказала. Я знаю о тебе все. — Элис прислонилась к стене, колени дрожали. Хотелось убежать, но она будто увязла в одном из тех снов, где любое движение превращается в замедленный кадр. — Как... как ты попала сюда?

Дороти рассмеялась.

— Ну, раз ты не знаешь этого, ты знаешь обо мне не все, так ведь? — процедила она. — Я следила кое за кем. Кое-кто взял мою вещь, и я хочу ее вернуть.

— Рамблбрук, — пробормотала Элис.

Улыбка исчезла с лица Дороти.

— Откуда ты знаешь? — Она наклонилась к самому лицу Элис. — Тебе лучше начать говорить.

И Элис объяснила.

Несколько секунд Дороти пристально смотрела на нее, а затем разразилась смехом.

— О, это хорошо, — поаплодировала она. — Bravo! Даже я не смогла бы такое придумать, а ведь мои сюжеты весьма... закручены. — Все еще усмехаясь, она покачала головой: — Ты действительно в это веришь, правда?

— Нет... Я *знаю* это.

Дороти тихо присвистнула:

— И еще говорят, что я сумасшедшая. Девочка, ты спятила. У тебя просто кукушка поехала! — Она удовлетворенно хмыкнула: — Можно не беспокоиться, что ты кому-нибудь обо мне расскажешь. Никто не поверит такой чокнутой.

Ее лицо придвинулось еще ближе, и тут Элис очнулась, как будто с нее спал морок. Она размахнулась и тетрадь ударила Дороти по щеке.

– Прочь от меня! Держись подальше!.. *Возвращайся откуда пришла!* – пронзительно, с отчаянием выкрикнула она. И ударила снова, но не попала, потому что Дороти увернулась. Тетрадь вылетела у Элис из рук и глухо шлепнулась на тротуар.

Она бросилась к тетради одновременно с хихикающей Дороти. Дороти успела первой, и ее взгляд впился в открытые страницы. Преодолевая панику, задыхаясь, Элис выхватила тетрадь.

И без единого слова ринулась прочь, чуть не столкнувшись с черной кошкой, когда сворачивала в переулок. Дыхание прерывалось рыданиями, сжимающими горло, но Элис мчалась дальше. Ее не оставляло чувство, что Дороти Граймс все еще следит за ней, однако, обернувшись, она заметила только нескольких удивленно глядевших прохожих.

Так и не останавливаясь, Элис бежала и бежала, пока не влетела домой, не захлопнула за собой входную дверь и не заперла ее. В зеркале, висевшем в прихожей, она увидела свое отражение: спутанные волосы прилипли к щекам, мокрым от соплей и слез. Мертвенно-серое лицо. Но хуже всего – глаза, дикие, затравленные. *Безумные*. Неудивительно, после того, с чем она сейчас столкнулась.

— Это невозможно, это *не...* — жаловалась она пустому дому. Ее дрожащий голос нарушал тишину, как неподходящий кусочек пазла нарушает всю картину.

Она опустилась на пол и съежилась, прислонившись к двери. Дороти Граймс сумасшедшая — Элис знала это лучше, чем кто бы то ни было. Но тогда что это говорит о *ней самой?*

Может, Дороти права?

Может, Элис еще безумнее, чем она?

4

Сочинительница

Каждый день сотни людей садятся и начинают писать истории. Некоторые из этих историй печатают, переводят и продают в книжных магазинах по всему миру. Другие обрываются на первой главе или даже на первой фразе, прежде чем их забросят. Иногда история пишется отрывочно и сумбурно, и автор бьется над ней, пока, отчаявшись, не запихивает свое творение под кровать или в стол, где оно и лежит, забытое на месяцы или годы, а то и навсегда. Хотя не исключено, что оно могло бы поведать о таких чудесных приключениях, о каких никому и никогда не доводилось читать.

Но что происходит, если *по-настоящему* магическая история остается незаконченной?

Это рассказ об одной из подобных историй. Она началась очень давно, когда мне было один-

надцать и все звали меня Мидж. В те времена, когда я страшно волновался, примут ли меня в футбольную команду, и когда едва ли не больше всего на свете любил слушать новые истории, сочиненные моей старшей сестрой Элис.

У Элис был поразительный талант придумывать и писать. Но еще странное и непоколебимое убеждение: каждая начатая история должна быть закончена. Она говорила, что незаконченная история – это ужасно, это не воплотившиеся надежды, это непрожитая жизнь всех персонажей. В общем, любую историю, которую Элис начинала, пусть даже ерундовую, она дописывала, и не важно, если конец получался слабоват. У всех ее историй обязательно был конец.

До тех пор, пока одна из них не осталась незавершенной.

Моя сестра исчезла в пятницу в феврале, когда школа закрывалась на каникулы. Вообще-то ничего особенного тут не было, вот только на этот раз все случилось накануне Призыва. По дороге из школы я рассматривал Подобия – маленькие куклы из соломы или ткани, сделанные так, чтобы они на кого-то походили. Нескольких я заметил еще утром, но за день в окнах и на порогах домов их стало гораздо больше.

Я остановился поглядеть на Подобие, прислоненное к цветочной кадке в одном из дворов. Меня всегда это изумляло: каждый год все в городе делали кукол и выставляли их напоказ.

— Не более странно, чем одну ночь в году, на Хэллоуин, наряжаться призраками, вампирами и ведьмами, — объясняла Элис.

— Но так-то делают много где, — говорил я. — А Призыв только здесь, в Скрипичной Лощине.

— И в других городах есть странные традиции, — отвечала Элис. — Хотя обычно это что-то вроде фестивалей сыра или хороводов вокруг майского дерева, а не такая жуть, как у нас.

Да, я не мог не согласиться с тем, что Призыв довольно жуткий обычай. Единственная ночь в году, когда кого-то — живого или мертвого — можно вызвать с помощью его Подобия. Говорили, что, если тот, кто смастерил Подобие, хочет встречи очень сильно и Подобие выйдет действительно хорошим, все сработает и можно будет задать вызванному вопрос. Только один. А потом этого человека никогда больше вызвать нельзя.

Конечно, никто сам не знал никого из успешно Призвавших. Хотя все слышали рассказы о том, что это якобы удалось сыну троюродного брата чьего-то дяди.

Вечером на рыночной площади разводили огромный костер, на котором сжигались все Подобия. Многие приходили только ради этого зрелища, даже если сами не делали куклу. К тому же с лотков на площади продавали поджаренный зефир и каленые орехи, горячий шоколад и подогретый яблочный сок с пряностями.

Каждый год я играл в игру — пытался понять, кого изображают куклы. Некоторые (вроде тех,

что создавала дама, работавшая в магазине «Все для вязания») были великолепны, но я не мог угадать, чьи это Подобия. Другие, каких, например, делал Томми Паркер из моего класса, выглядели и вовсе не по-людски, зато их можно было опознать по футбольной форме, по майке с номером его любимого игрока. Еще были трогательные: серая войлочная собака по кличке Фенчёрч, которая пропала больше года назад; неприятные: Джек-потрошитель, изготовленный мистером Шервудом – учителем истории, который все свое свободное время строил теории в попытках раскрыть личность убийцы.

Я дошел до белых ворот коттеджа, стоявшего в стороне от дороги. Рядом с цветочным горшком притулилась маленькая соломенная фигурка. Из тех, что навевают печаль: старик, живший в коттедже, каждый год мастерил одинаковых маленьких куколок.

Фигурка светловолосого мальчика в очках. На нем всегда была одинаковая одежда и одни и те же маленькие старомодные очки, только лицо с каждым годом становилось все менее отчетливым, потому что зрение старика ухудшалось.

Никто толком не разговаривал со стариком, а потому не известно было, кто этот мальчик. Некоторые рассказывали, что это его сын, которого увезла жена и которого он больше не видел; другие утверждали, что ребенок умер; а однажды я услышал ужасную историю о том,

что старик ехал на машине и сбил насмерть незнакомого мальчика. Куча версий, и все безрадостные... все, кроме одной.

Элис считала, что здесь кроется другое: старик раньше путешествовал во времени и теперь хочет использовать Подобие, чтобы поговорить с самим собой – с мальчиком, каким был в прошлом. Расспросить его о том, что давно забыл. У Элис все оборачивалось историей, и как раз в такую мне хотелось верить.

Я пошел дальше, срывая листья с живой изгороди и решая, делать ли Подобие или нет. Обычно этим занималась Элис, но она, в отличие от меня, была человеком творческим.

К тому времени, как я добрался до Кукушкина переулка, где мы жили, уже стемнело и тонкий ломтик луны повис над маленьким магазинчиком на углу. До нашего дома под номером 35 оставалось всего ничего. С улицы, если посмотреть на фасад, этот старый дом выглядел совсем маленьким, но внутри, протяженный в длину гораздо больше, чем в ширину, оказывался неожиданно просторным. Когда я вошел, меня окутало теплом, а из кухни доносился запах чего-то вкусного.

Я повесил ключи на крючок в прихожей и вошел в гостиную, где пылал камин. Сбоку от него стояли ведро с углем и корзина с поленьями, а прямо перед камином, растянувшись на коврике, спала наша кошка Твич; ее черная шерсть поблескивала в отсветах огня. Я поднес

замерзшие пальцы к теплу. Из кухни слышалось, как кто-то мурлычет песенку. Это тихо напевала Элис, помешивающая что-то в большой кастрюле на плите.

— Что у нас на ужин? — Я глубоко втянул носом аппетитный запах, и живот забурчал от голода. Перестав мурлыкать, Элис с улыбкой повернулась ко мне.

— Тушеное мясо. — Она накрыла кастрюлю крышкой и сунула две тарелки в плиту, чтобы согреть. — Перестань нюхать, весь запах украдешь.

Я ухмыльнулся. Элис всегда дурачилась в таком духе, больше чтобы посмешить меня, а заодно и себя, но еще, думаю, она просто не могла иначе. Сестра видела волшебство во всем: пятна от чая из чашки оказывались следами эльфов, садовые статуи — заколдованными людьми и животными, превращенными в камень. Сочинительство было у нее в крови. А кровь у меня и сестры отличалась. У нас были разные отцы. Ее отец бросил их с нашей мамой, когда Элис исполнилось три года. За прошедшие тринадцать лет она видела его всего несколько раз.

Глядя, как Элис накрывает на стол, я заметил пластырь у нее на пальце:

— Что случилось?

— Хм? О, это. Мой палец решил, что хочет быть морковкой, и ринулся наперерез ножу.

— Вечно ты дурачишься, — приснул я. Но тут увидел, что стол накрыт только на двоих.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru